
22
КЛЮЧ
К БЕЗДНЕ
REVENANT CREED

Revenant Creed

22. Ключ к бездне

«Автор»

2026

Creed R.

22. Ключ к бездне / R. Creed — «Автор», 2026

Что, если ад выглядит как обычный советский подъезд? Без окон, с облупившейся краской, гудящими лампами и четырьмя дверями на каждой лестничной площадке. Только одна из них ведет наверх. Остальные — в никуда.Когда оператор исчезает в аномалии «Дуга-22», трое ученых спускаются в этот лабиринт. Лев ищет лекарство для умирающей дочери. Вера надеется найти брата, пропавшего здесь пять лет назад. Марк пытается спастись от собственного страха.Лестница не убивает. Она предлагает. Рай, встречу с умершими, шанс всё исправить. Нужно лишь открыть правильную дверь.Их цель — ядро. Их щит — когнитивный диссонанс. Но в бесконечном подъезде каждый шаг может стать последним, а за приоткрытой дверью ждет не спасение, а ваше собственное отражение.Добро пожаловать домой. Твой личный ад уже в разработке.

© Creed R., 2026
© Автор, 2026

Содержание

СЛОВО ОТ АВТОРА 6
ПРОЛОГ 7
ГЛАВА 1: АНАТОМИЯ ПОТЕРИ И ПОСЛЕДНИЙ БРИФИНГ. 9
Г 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Revenant Creed
22. Ключ к бездне

СЛОВО ОТ АВТОРА

Прежде чем вы переступите порог, я должен кое-что объяснить.

В нашей стране слово «Веха» никогда не означало просто точку на карте. Для одних это путевой столб, указывающий дорогу. Для других — важнейший этап в истории. Но в закрытых документах это слово всегда писали с точками.

В.Е.Х.А. — Ведомственное Единство Хранилищ Аномалий.

Именно так сухим канцелярским языком называли секретную лабораторию, спрятанную глубоко под землёй. Место, где наука перестала задавать вопросы о морали и начала искать ответы в человеческом страхе.

Но главное то, что внутри неё. Объект, который в документах значится как «Дуга-22». На Западе его зовут ARC-22 — в официальных бумагах это Anomaly Research Complex, «исследовательский комплекс аномалий». Впрочем, кое-кто из старых советских инженеров заметил и другое совпадение: arch по-английски — арка, свод, дуга.

На бумаге это просто аномальная зона, геометрическая погрешность реальности. Но если вы спросите тех, кто там был, они ответят иначе.

«Дуга» — это не просто лестница. Это подъезд.

Бесконечный, холодный, пахнущий сыростью и мокрым бетоном советский подъезд. Без окон. С гудящими лампами и четырьмя дверями на каждой лестничной площадке. Три из них ведут в никуда. И только одна — наверх.

Двадцать два уровня. Двадцать два шага вверх, к самому сердцу бездны.

Говорят, эта лестница исполняет желания. Она возвращает тех, кого вы потеряли. Она дарит покой. Нужно лишь открыть правильную дверь и согласиться остаться.

Вам не обязательно верить в призраков. Вам не обязательно разбираться в квантовой физике или парапсихологии. Достаточно запомнить главное правило: не верьте тому, что видите. Сомневайтесь. Ищите швы.

Это правило не спасло ни одного оператора. Но вы всё равно его запомните.

Если вы готовы — возьмите фонарь. Свет в подъезде «Дуги-22» имеет свойство гаснуть.

Добро пожаловать домой.

ПРОЛОГ

Лаборатория «Веха». Три года назад. Испытание-9. Тест на когнитивную якоризацию.

В зале сенсорной депривации пахло озоном и жженым пластиком. Семён Глотов, оператор первой волны, выглядел в кресле-ложементе почти хрупким. Его виски были облеплены датчиками, похожими на жадных насекомых. На мониторах в аппаратной пульсировали кривые его сознания — пока еще ровные, предсказуемые.

— Семён, ты в зоне контроля. Ты уверен, что готов к расширению диапазона? — Голос Льва в наушниках был лишен нынешней хрипоты, тогда он еще верил, что наукой можно обуздать безумие.

— Да, — выдохнул Семён. Его зрачки расширились, отражая хаос паттернов, вспыхнувших на панорамном экране.

Это была «мясорубка». Агрессивные звуковые диссонансы вгрызались в мозг, пытаясь расшатать личность, выбить почву из-под ног. Стены комнаты поплыли, превращаясь в липкую серую массу. Семён стиснул зубы так, что хрустнули челюсти. В центре этого шторма он искал опору. Отец. Шершавая, мозолистая ладонь, сжимающая его маленькую руку на параде. Запах табака и старой куртки. Этот «якорь» был тяжелым, надежным. Семён вцепился в него, как утопающий в обломок кормы, и серая буря отступила.

Лев кивнул, делая пометку: «Критический уровень стресса пройден. Якорь: Семья. Эффективность — 98%».

Лаборатория «Веха». Три недели до основной миссии. Объект «Дуга-22». Инцидент «Дом».

Воздух в аппаратной был густым от напряжения. Операционный зал превратился в алтарь, где на жертвенном столе лежали показатели Семёна Глотова. Он находился ТАМ. Внутри бетонного чрева «Дуги-22».

— Семён, ваше состояние? Дышите по квадрату, — голос Веры дрожал. Она видела на мониторе, как частота его пульса начинает странный танец с помехами аномалии.

— Лестница… — голос Семёна в динамиках звучал так, будто он говорил из-под воды. — Бесконечные пролёты. Пахнет… Господи, Вера, тут пахнет мокрым деревом. И чем-то сладким. Помните, как в детсаду? Компот из сухофруктов. У бабушки был такой же.

Лев, не отрывая взгляда от графиков, быстро записывал: «Сенсорная мимикрия аномалии. Объект подбирает ключи к личным паттернам. Стадия стабильности».

— Установите маячок и выходите, — Вульф стоял в тени, скрестив руки. Его голос резал пространство, как скальпель. — Семь минут, Глотов. Не дай этой дряни заговорить с тобой.

И тут статичный шум в эфире раскололся. Сквозь треск помех прорезались две чистые, невыносимо печальные ноты детской дудочки. Мелодия «Журавлика». Тонкая, неумелая, обрывающаяся на полуслове.

Семён замер. Его биометрия на мгновение превратилась в прямую линию, а затем рванула вверх. — Это… это папа. Он всегда играл мне это, когда… когда мама ушла. Он не брал дудочку в руки двадцать лет.

— Глотов, это акустический артефакт! — закричала Вера, подаваясь вперед. — Не слушай! Это ловушка «Дуги»! Игнорируй!

Но Семён уже не был солдатом «Вехи». Он был маленьким мальчиком, потерявшимся в бесконечном сером подъезде. Он повернул голову к темноте верхнего марша. На его лице, транслируемом через камеру шлема, застыла не гримаса ужаса, а светлая, болезненная надежда.

— Пап? Ты здесь? Я… я думал, ты злишься на меня за тот вечер…

— Приказ номер один! — рявкнул Вульф, ударив кулаком по пульту. Стакан с водой подпрыгнул, расплескав влагу на журналы. — Немедленная эвакуация! Глотов, если ты сделаешь еще шаг вверх, я лично закрою шлюз!

Семён не ответил. Он начал подниматься. Шаги эхом отдавались в тишине лаборатории. Он шел навстречу своей вине, навстречу несказанным словам, навстречу призраку, который научился играть на его памяти, как на струне.

На высоте двадцать второго пролета одна из типовых серых дверей была приоткрыта. Из щели лился не холодный свет ламп, а теплое, золотистое сияние заката. Запах жареного лука, воска и старого, натертого мастикой паркета. Запах дома № 42 по улице Мира. Квартира 14.

— Семён, нет! — Вера почти рыдала. — Это не дом! Это пустота, которая надела маску твоего дома!

Глотов обернулся к камере. Его лицо было мокрым от слез, но в глазах светилось такое глубокое облегчение, будто с его плеч сняли тяжесть всей планеты. — Я дома, — прошептал он. — Я наконец-то дома.

Он шагнул за порог. Камера сорвалась с крепления и упала на бетон, зафиксировав последний кадр: край обоев в синий цветочек и потертый коврик с оленем. Дверь захлопнулась с тяжелым, окончательным звуком.

В ту же секунду на главном экране «Вехи» биометрия Семёна Глотова сделала плавный, почти грациозный вираж вниз. Линии не оборвались в агонии. Они синхронно сошлись в одной точке. В ноль.

Это не была смерть. Это было изъятие. Стирание из текущей реальности.

Семён не вернулся. На площадке остался лишь маячок, мигающий красным глазом в пустоту. И иногда, когда в «Вехе» наступала тишина, дежурные операторы клялись, что слышат в наушниках едва уловимый, зацикленный звук детской дудочки.

ГЛАВА 1: АНАТОМИЯ ПОТЕРИ И ПОСЛЕДНИЙ БРИФИНГ.

Когда пропал Семён, прошло Три недели.

Три недели тишины. Три недели без сигнала. Три недели, за которые надежда успела умереть, разложиться и начать смердеть так, что этот запах уже не выветрить из лаборатории.

Лев сидел неподвижно уже четыре часа. На стене напротив висел герметичный щит с эмблемой «Вехи»: тёмно-синий фон, белая лестница, уходящая в бесконечность, и красная звезда наверху. Лев всегда думал, что это просто геральдика. Теперь, глядя на эту лестницу, он понимал: они сами построили дорогу в этот ад.

Капсула Льва была стерильным коконом в бесконечном лабиринте «Вехи». Белые стены, белый потолок, белый свет — здесь не было места случайностям, эмоциям, жизни. Только цифры. Только графики. Только холодная математика, которая должна была объяснить необъяснимое.

Стены завешаны распечатками. Бумага наслаивалась на бумагу, формулы перекрывали формулы, графики нейронных связей сплетались в такие узоры, от которых у непосвящённого пошла бы кругом голова. Здесь не убирались уже год — потому что здесь не жили. Здесь воевали.

Единственное тёплое пятно в этом холоде данных — фотография на столе: Аня, десять лет, на качелях. Лето. Она смеётся, запрокинув голову, и ветер раздувает её волосы. Идеальный кадр. Идеальный день. Идеальная ложь.

Потому что Лев видел то, чего не видела камера: её улыбка была немного вымученной. Под глазами — тени, которых не должно быть у здорового ребёнка. Болезнь уже тогда пожирала её изнутри, просто он не хотел замечать. Врал себе, что это усталость после школы. Врал себе, что всё будет хорошо. Врал себе каждый день — до того самого момента, когда врачи сказали правду.

Теперь врать бесполезно. Теперь осталась только математика.

Лев сидел неподвижно уже четыре часа. Перед ним на мониторе — зацикленные данные исчезновения Семёна. Те же графики, те же пики, те же провалы. Он анализировал их в трёхсотый раз, но сегодня — особенно. Сегодня он искал не ошибку. Сегодня он искал лазейку.

Пальцы дрожали над клавиатурой. Не от страха. От недосыпа и ярости, которую он не позволял себе выплеснуть. Ярости на болезнь. На Лестницу. На себя. На то, что самый умный человек в этом крыле не может придумать, как спасти собственную дочь.

— Испытуемый Глотов, — заговорил он вполголоса, диктуя в диктофон. — Временной отрезок: последние 47 секунд перед обнулением. Ключевой маркер: резкое снижение кортизола, синхронное с появлением аудиального артефакта. Реакция: не страх, не борьба, не паника. Реакция — облегчение. Как у человека, который снял тяжёлый рюкзак после долгой дороги. Гипотеза: аномалия не подавляет волю. Она не ломает — она предлагает. И жертва принимает предложение добровольно. Осознанно. Счастливо.

Он остановил запись. Посмотрел на фото Ани. Провёл пальцем по стеклу, очерчивая её лицо. Щёки, подбородок, ямочку на левой щеке — туда он целовал её каждый вечер, укладывая спать. Ритуал, который повторялся годами. Который больше никогда не повторится.

— Она будет предлагать и тебе, солнышко, — прошептал он одними губами. — Рай. Здоровье. Меня, каким ты хочешь меня видеть — молодого, весёлого, не пропадающего в лаборатории сутками. Но это буду не я. Это будет… манекен. Кукла, сшитая из твоих воспоминаний. А я хочу вытащить тебя по-настоящему. Живой. С болью, с химией, с дурацкими больничными запахами. Но живой.

Он отвернулся к монитору. Его выводы, записанные в рабочий журнал, звучали как приговор и как надежда одновременно. Лев никогда не позволял себе надеяться вслух — только на бумаге, только сухим языком цифр.

«Аномалия не убивает. Она ассимилирует. Предлагает персонализированный, безупречный рай, сшитый из воспоминаний и желаний жертвы. Угроза — в нашем же согласии, в жажде покоя. В моменте, когда человек говорит: "Я хочу здесь остаться".

Единственный щит — когнитивный диссонанс. Постоянное, намеренное сомнение в реальности предлагаемого. Не принимать ничего за чистую монету. Смотреть на швы иллюзии. Искать несовершенства. Там, где есть изъян — там есть граница. А где есть граница — там можно прорваться.

Но…»

Он остановился. Посмотрел в темноту за монитором. Там, в глубине его сознания, жила тайная, пожирающая душу надежда. Та, которую он не запишет ни в один журнал. Которая не поддаётся математике.

«В ядре… если оно существует… должна быть сила, способная переписать реальность на клеточном уровне. Не иллюзию, не картинку для умирающего мозга — а саму ткань бытия. Если эта машина может создать идеальный мир из ничего — значит, она может и изменить мир. Вылечить Аню. Не в раю, не в грёзах, не в посмертии — а здесь. По-настоящему.»

Он сжал край стола так, что кости побелели, а ногти оставили в пластике вмятины. Четыре часа без движения. Спина затекла, шея одеревенела, в глазах песок. Но он не чувствовал тела. Только эту мысль, пульсирующую в такт сердцу:

«Я достану тебе лекарство, дочка. Даже если оно спрятано в сердце ада. Даже если для этого придётся стать самим дьяволом.»

Отсек Веры был антиподом стерильности Льва. Если у него царил холодный порядок, то здесь властвовал творческий хаос, который непосвящённый назвал бы бардаком. Стены заклеены распечатками спектрограмм, фотографиями, схемами, вырезками из старых отчётов. Бумага жила здесь своей жизнью — свитки на полу, горы на стульях, башни на столах.

На полу громоздились стопки папок с грифом «Секретно» — те, что Вера выпросила, выменяла, украла за пять лет. В углу урчала старая кофеварка, работающая без остановки пятые сутки. Кофе в ней давно превратился в чёрную смолу, но Вера не замечала вкуса. Она вообще перестала замечать тело.

Вера сидела перед главным экраном. На нём — зацикленная запись последних секунд Семёна. Тысячный, десятитысячный прогон. Но она смотрела не на него. Она смотрела сквозь. Вслушивалась в шумы, в помехи, в едва уловимые искажения звука, которые обычный глаз не заметит, обычное ухо пропустит.

Перед ней стояла фотография Саши. Её брат. Двадцать два года. Взлохмаченный, с горящими глазами, улыбается в объектив. Снимок сделан за день до… того дня. Последний нормальный день в её жизни.

— Ты оставил след, — шептала она в такт дыханию, как мантру. — Ты не мог не оставить. Сильная душа всегда оставляет отпечаток. Эфирный почерк… я знаю, он существует. Я слышу его. Я почти слышу…

Она прогоняла запись на замедлении. Стоп-кадр: момент, когда Семён оборачивается и говорит «Я дома». Вера всматривалась в его лицо. Не в мимику — в свечение, в ауру, в те микро-пиксели, где, как она верила, проявляется истинная природа происходящего.

Для нормального человека дверь Семёна — трагедия. Потеря. Для начальства — инцидент, требующий отчёта. Для Льва — данные.

Для Веры это было приглашение. Ключ к тайне, которую она не могла разгадать пять лет.

— Пятый день после входа группы, — записывала она в диктофон голосом, севшим от недосыпа и молчания. — Данные пассивного мониторинга. На частоте 127.4 Гц — повторя-

ющийся шумовой паттерн. Нестабильный, но… структурированный. Похоже на модуляцию голоса. Не человеческого — но голоса. Возможно, это не помехи. Возможно, это… эхо. То, что остаётся, когда человек становится частью системы. Голос того, кто уже не может говорить по-нашему, но пытается. Для тех, кто умеет слушать.

Она отключила запись. Взяла фотографию Саши, поднесла к губам. Стекло было холодным, но ей казалось — тёплым. Обманка памяти. Самая страшная обманка.

— Саш, если ты там… если ты слышишь… дай знак, — прошептала она едва слышно, в самое стекло. — Я знаю, ты сильный. Ты не растворился. Ты не мог раствориться. Ты стал чем-то другим. Ты нашёл то, что искал. И я найду тебя. Даже если для этого придётся пройти туда же. Даже если для этого придётся стать такой же, как Семён. Даже если от меня ничего не останется — только эхо на частоте 127.4. Я всё равно приду.

Она смотрела на экран. На застывшее лицо Семёна. В её глазах не было жалости. Не было страха. Там была зависть. Чистая, прозрачная зависть.

Он вошёл. Он увидел. Он, возможно, встретил тех, кого потерял. А она всё ещё здесь — по эту сторону стекла, по эту сторону жизни.

Вера откинулась на спинку стула. Глаза слипались, но она заставляла себя не спать. Спать нельзя. Во сне Лестница может прийти за ней, утащить в иллюзию, где она не сможет выбирать. А она должна войти сама. Осознанно. С открытыми глазами. Чтобы видеть каждый шов.

Технологическое святилище Марка было царством приборов, проводов и паяльных станций. Здесь пахло канифолью, жжёным пластиком и страхом. Страх был здесь таким же элементом среды, как кислород. Марк не спал пятые сутки. Глаза красные, в уголках губ запёкшаяся слюна, руки в мелких ожогах, но он продолжал работать.

Потому что если он остановится — страх его сожрёт.

Перед ним на столележал разобранный прототип аварийного маячка «М-3». Восьмая версия. Предыдущие семь он уничтожил, потому что они «недостаточно надёжны». Настоящая причина: они были недостаточно совершенны, чтобы обмануть его паранойю.

Марк работал лихорадочно, но точно. Каждое движение было выверено годами практики. Он не позволял себе ошибиться — потому что ошибка здесь могла стоить жизни. Не ему — тем, кто уже там. Тем, кто доверился его железякам.

— Датчики… — бормотал он под нос, работая паяльником. — Она может симулировать датчики. Поле — может исказить показания. Сознание — обмануть. Но запутанность…

Он усмехнулся. В этой усмешке было всё, что осталось от его веры в мир.

— …квантовая запутанность, мать её, создаётся здесь, в этом пространстве-времени. Частицы рождаются парой и знают друг друга. Не на уровне информации — на уровне бытия. Если я создам пару здесь, одну оставлю в сейфе, вторую возьму с собой… даже если Лестница создаст идеальную копию меня, идеальную копию маячка, она не сможет запутать копию с оригиналом. Потому что запутанность — это не информация, которую можно скопировать. Это… это связь. Неразрываемая. Брак, заключённый в момент рождения вселенной.

Он замолчал. Посмотрел на свои руки. Они дрожали. Мелко, противно, предательски. Он ненавидел эту дрожь. Ненавидел своё тело за то, что оно не слушается воли.

Марк боялся. Боялся так, как не боялся никогда в жизни. Его вера в цифры, в датчики, в несокрушимую стену технологий — она дала трещину. Глубокую. Когда он увидел, как биометрия Семёна плавно обнулилась — без паники, без борьбы, просто перестала быть — у него внутри что-то оборвалось.

— Это не смерть, — сказал он в пустоту, не для записи, не для кого — просто чтобы услышать свой голос. — Смерть — это хаос. Смерть — это сигнал тревоги, это сбой, это красные лампочки. А это… это корректное завершение работы. Как будто программу не стерли, а аккуратно выгрузили в другую среду. В идеальную среду. Где она продолжает работать, но

уже без нас. Без связи с железом. Без обратной связи. Без… меня. Без всего, что делало его Марком.

Он с силой провёл рукой по лицу, прогоняя усталость. Взял пинцет, установил микроскопический чип в корпус маячка. Руки не слушались — он останавливался, ждал, пока спазм пройдёт, и продолжал.

— Значит, моя задача — сделать так, чтобы выгрузка была невозможна, — сказал он решительно, сквозь зубы. — Чтобы я всегда здесь оставался кусочек. Якорь. Если меня начнут «выгружать» — этот маячок взорвётся квантовым шумом. И Лестница либо получит сбой, либо поймёт, что со мной такой номер не пройдёт. Что я — не Семён. Что я — Марк Чесноков, и я не собираюсь становиться эхом на частоте 127.4.

Он закончил пайку. Поднёс маячок к свету. Крошечное устройство, похожее на пуговицу, на таблетку, на последнюю надежду человечества, уместившуюся в пяти граммах пластика и кремния. Внутри — пара запутанных частиц, вторая половина пары лежала в сейфе в другом крыле лаборатории. Ждала. Связанная с ним навсегда.

— Ну давай, детка, — сказал он тихо. — Докажи, что физика сильнее магии. Докажи, что мы ещё что-то значим. Докажи, что я не зря не спал пять ночей.

Он надел маячок на запястье. Посмотрел на свою руку. Она всё ещё дрожала. Но теперь в этой дрожи был не только страх. Была злость. Был вызов. Марк был готов.

Резкий, пронзительный звук внутренней связи ворвался в тишину каждой капсулы одновременно.

Лев вздрогнул, отрываясь от монитора. Вера замерла с фотографией в руках. Марк выронил пинцет и выругался сквозь зубы.

— Внимание всего научного состава, — произнёс динамик механическим голосом. — Льву Синицыну, Вере Самохиной, Марку Чеснокову немедленно прибыть в конференц-зал номер один. Повторяю: немедленно прибыть в конференц-зал номер один. Приказ руководителя проекта.

Динамик отключился. Тишина стала другой — звенящей, напряжённой, как струна перед разрывом.

Лев посмотрел на фото Ани, потом на дверь.

— Началось, — сказал он тихо.

Он аккуратно, почти благоговейно, убрал фотографию во внутренний карман куртки — туда, где билось сердце. Встал. Вышел, даже не оглянувшись на графики, которым посвятил пять дней.

Вера поцеловала стекло фотографии Саши, убрала в нагрудный карман.

— Держись, — прошептала она. — Я скоро приду.

Она вышла, не взглянув на экран с застывшим лицом Семёна.

Марк посмотрел на маячок на запястье, погладил большим пальцем.

— Ну что, детка, — сказал он. — Пошли знакомиться с начальством.

Конференц-зал номер один был стерильно-белым помещением с длинным столом из матового пластика. На стенах висели мониторы — сейчас погашенные, мёртвые. Пахло озоном и чужим страхом — здесь принимали решения, которые ломали судьбы.

Лев, Вера и Марк вошли почти одновременно. Рассредоточились по разные стороны стола. Никто не сел.

Через минуту дверь с шипением открылась, и вошёл Вульф.

Он выглядел так, будто тоже не спал пять суток. Лицо серое, под глазами мешки, на щетине седина проступила отчётливее, чем неделю назад. Но осанка оставалась стальной. Глаза — как два буравчика, готовые просверлить насквозь.

Вульф остановился во главе стола, обвёл их тяжёлым взглядом.

— Садитесь.

Они сели. Вульф не сел. Он опёрся костяшками пальцев о стол и навис над ними, как скала над муравьями.

— Три недели, — сказал он. — Вы знаете, что это значит. Семён Глотов не вернулся. Группа «Дельта», вошедшая следом, тоже молчит. У нас нет сигналов, нет телеметрии, нет ничего. Только статика и эти… — он кивнул на один из мониторов, где мелькали графики, — …шумы, которые вы все уже изучили вдоль и поперёк.

Он сделал паузу. Посмотрел на каждого по очереди. На Льва — дольше. На Веру — ещё дольше. На Марка — с лёгким прищуром.

— Я не буду вам врать, — сказал Вульф. — Официальная позиция: инцидент, расследование, списание в архив. Через неделю сюда приедет комиссия, опечатает «Дугу-22» и заставит нас писать отчёты до конца жизни.

Он усмехнулся, но усмешка вышла злой.

— Это если мы будем сидеть сложа руки.

— Мы не сидим, — жёстко сказал Лев. — Я проанализировал данные. Есть гипотеза…

— Я знаю твою гипотезу, Лев, — перебил Вульф резко. — Когнитивный диссонанс. Щит от иллюзий. Очень умно. Но мне нужно не умно. Мне нужно — работает.

Он обошёл стол, остановился за спиной Марка. Тот заметно напрягся.

— У меня есть дочь, — сказал Вульф. — Вы знаете. Она в коме. У неё есть… — он запнулся на долю секунды, — …неделя. Может, две. Потом врачи разведут руками и скажут, что сделали всё возможное.

Тишина. Слышно было только гудение вентиляции.

Вульф вернулся во главу стола, повернулся к ним лицом.

— Я предлагаю вам несогласованную, неутверждённую, самоубийственную операцию, — сказал он. — Вы войдёте в «Дугу-22». Вы найдёте ядро аномалии. Вы возьмёте то, что может переписать реальность — если верить твоим расчётам, Лев. И вы вернётесь. Живыми.

— А если не вернёмся? — тихо спросил Марк.

— Тогда мы все встретимся в отчётах комиссии, — жёстко ответил Вульф. — Или не встретимся — если аномалия поглотит лабораторию целиком. Такая вероятность тоже есть, если верить твоим датчикам, Марк.

Он достал из-под стола три ампулы в прозрачных контейнерах. Поставил на стол. В свете ламп стекло отливало синевой.

— Это нейротоксин, — сказал Вульф. — Быстрый, безболезненный. Если кто-то из вас перестанет быть человеком — если Лестница начнёт вас переписывать, если вы почувствуете, что больше не контролируете себя — вы обязаны его использовать. На себе. Или на товарище.

— Вы предлагаете нам нести друг другу смерть? — с вызовом спросила Вера.

Вульф посмотрел ей прямо в глаза.

— Я предлагаю вам нести друг другу свободу, — сказал он. — Быть съеденным заживо, гнить в раю, который вам создадут по мерке — это хуже смерти, Вера. Ты это знаешь лучше других. Ты видела, что стало с Семёном. Ты видела, что стало с твоим…

Он осекся. Вера побледнела, но промолчала.

— Я понимаю, — спокойно сказал Лев, беря одну ампулу. — Это разумно.

Он убрал ампулу в карман. Вера после паузы сделала то же самое. Марк посмотрел на свою руку, на маячок, потом взял ампулу, взвесил на ладони.

— Значит, у нас есть квантовый якорь, есть теория когнитивного диссонанса, есть эфирный почерк брата и есть яд с собой, — сказал он. — Отличный набор для пикника в аду.

Вульф усмехнулся, но глаза остались холодными.

— Поэтому я вас и выбрал, — сказал он. — Вы трое — единственные, у кого есть личный интерес не сдохнуть там в первые пять минут. У каждого своя причина. У каждого свой счёт к этой дыре.

Он обвёл их взглядом. В этом взгляде было всё: усталость, отчаяние, надежда и сталь, которая не давала сломаться.

— Ваша задача — ядро, — сказал Вульф. — Найти. Вскрыть. Взять образец — любой ценой. Если там есть сила, способная лечить — вы её принесёте. Если там есть ответы — вы их добудете. Если там есть те, кого вы потеряли…

Он посмотрел на Веру.

— …вы решите сами, что с этим делать. Но главное — ядро. Всё остальное вторично.

— А если мы не найдём ядро? — спросил Лев.

Вульф посмотрел на него долгим взглядом.

— Найдёте, — сказал он жёстко. — Потому что если вы не найдёте — моя дочь умрёт. Твоя дочь, Лев, умрёт в коме, так и не проснувшись. Твой брат, Вера, навсегда останется тенью на записях. А ты, Марк, так и будешь до конца жизни вздрагивать от каждого шороха и думать: «А вдруг это меня выгружают?»

Тишина. Слова Вульфа висели в воздухе, как приговор.

— Я не имею права вас посылать, — сказал Вульф уже мягче, устало. — У меня нет приказа, нет санкции, нет ничего. Только… только это.

Он положил руку на грудь, туда, где сердце.

— Я прошу вас как человек. Как отец. Сделайте то, чего никто не может. Вернитесь с ключом. Или не возвращайтесь вообще — потому что полужизнь в иллюзии хуже смерти.

— А вы? — тихо спросил Марк.

— А я буду здесь, — ответил Вульф. — Буду держать связь, пока она есть. Буду гнать данные. Буду ждать.

Он посмотрел на часы.

— У вас час на сборы. Снаряжение найдёте в диспетчерской. Всё, что смог выбить со складов спецоборудования. Дальше — сами.

Он выпрямился. Снова стал командиром, а не отчаявшимся отцом.

— Вопросы?

Молчание.

— Тогда свободны, — сказал Вульф. — Через час — у входа в «Дугу-22». Опоздавших не ждём. Потому что некого будет ждать.

Он резко развернулся и вышел. Дверь с шипением закрылась.

Тишина в конференц-зале давила на уши.

Марк первым нарушил молчание:

— Ну что, команда смертников? Или как там нас теперь называть?

Лев встал.

— Нас теперь называть теми, у кого есть шанс, — сказал он. Посмотрел на Веру. — Твой брат… ты правда думаешь, что его можно найти?

Вера медленно поднялась.

— Я думаю, что он оставил след, — ответила она. — И я научусь его читать.

Она посмотрела на Льва.

— А ты правда веришь, что ядро может вылечить?

Лев помолчал.

— Я верю в математику, — сказал он наконец. — А математика говорит: если система может создать совершенную иллюзию жизни, она может создать и совершенную жизнь. Вопрос — как заставить её работать на нас, а не против.

Марк тоже встал, потрогал маячок на запястье.

— Физика говорит то же самое, — сказал он. — Если есть энергия для создания миров, эту энергию можно перенаправить. Главное — не стать частью интерьера по дороге.

Они посмотрели друг на друга. В этом взгляде было всё: страх, надежда, недоверие и странное, только зарождающееся чувство локтя.

— Через час, — сказал Лев. — У входа.

— Я буду, — ответила Вера.

— Куда я денусь, — усмехнулся Марк.

Они разошлись. Каждый — в свою капсулу, в свои последние сборы, в свои прощания с тем, что оставалось по эту сторону двери.

Тишина лаборатории была густой, как смола. Три капсулы, три человека, три одержимости. Они не видели друг друга — стены глухи, двери закрыты. Но теперь они были связаны не только незримой нитью общей цели, но и приказом. И ампулами в карманах.

Лев смотрел на фото Ани в последний раз перед тем, как убрать во внутренний карман. Прижал ладонью к сердцу.

«Я вернусь, дочка, — подумал он. — С лекарством.»

Вера поцеловала фотографию Саши.

«Я иду, братик, — прошептала она. — Держись.»

Марк в трёхсотый раз проверил маячок. Посмотрел на руку — дрожь почти прошла.

«Ну что, детка, — сказал он про себя. — Летим в бездну.»

За окнами лаборатории была ночь. Пятая ночь с момента, как закрылась дверь «Дуги-22». Пятая ночь тишины.

Где-то там, в палате №314, девочка Аня спала в искусственной коме — её мозг ещё работал, но тело уже сдавалось. Где-то там, на двадцать втором уровне, возможно, бродила тень Саши — или то, что от него осталось, вросшее в систему, ставшее её частью. Где-то там, в «Коридоре Погони», ждал Хранитель — перебирал ключи, перебирал имена, готовился к новым гостям.

А здесь, в «Вехе», трое безумцев готовились шагнуть в бездну.

Потому что только там они надеялись найти то, что потеряли. Потому что только там ещё оставалась надежда. Потому что по эту сторону надежды больше не было.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 1

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.